

БОБРОВО-СОБОЛИНЫЙ ОХОТНИЧИЙ ЗАПОВЕДНИК НА СЕВЕРНОМ УРАЛЕ

Бриних В.А.

История создания и деятельности заповедника

В прошлом этот отдаленный таежно-болотистый край (нынешний Ханты-Мансийский округ) был весьма труднодоступным. У коренных местных жителей (ханты и манси) существовали не только древние обычаи охраны ценных животных, но даже особые, иногда довольно значительные запретные территории – «святые места» (по местному «ем-тахе»). Благодаря такому щадящему природопользованию и наличию своеобразных «празаповедников», здесь сохранились до начала XX века самые северные колонии азиатских бобров, которые к тому времени были полностью истреблены не только в Приобье, но и почти по всей Сибири.

Долгое время о зауральских бобрах мало кому было известно. Первоначально сведения о кондо-сосвинских (в недавнем прошлом слово «Сосьва» писали без мягкого знака) бобрах поступали от путешественников и ученых (И.С. Поляков (1884), К.Д. Носилов (1904) и др.).

В начале XX века речные бобры были почти полностью истреблены по всей стране. Поэтому известия о существовании бобровых колоний где-то в таежной глуши Зауральского Севера были встречены столичными зоологами недоверчиво. Даже знаменитый охотовед и зоолог С.А. Бутурлин выражал недоверие к сообщениям К.Д. Носилова, требуя более подробных обоснований.

По призыву известного деятеля охраны природы Г.А. Кожевникова в 1920-х годах было организовано специальное обследование, которое осуществил заведующий подотделом охоты Тобольского земельного правления В.В. Васильев. Он уже имел опыт организации экспедиций в районы Прииртышья, организации Тобольского лисьего зверосовхоза и Демьяновского ондатрового хозяйства. Проведя ряд тяжелых и опасных экспедиций, В.В. Васильеву удалось выяснить, что по притокам рек Конды, Малой Сосьвы и Тапсуя (всего 36 водотоков) сохранилось не более 300 бобров. Запасы соболя, который хищнически истреблялся все предшествующие годы, охотовед осторожно оценивал в несколько десятков особей на миллионы гектаров тайги.

Из отчетной записки В.В. Васильева в Тобольскую окружную плановую комиссию в 1926/27 году: «Ограничиться в настоящее время, при полном почти выбое соболя, организацией одного заказника в каком-либо водоразделе нельзя, т.к. этой мерой ничего достигнуто не будет. Учреждая заказник при свободном дальнейшем доступе промышленников-хищников разных национальностей, мы тем самым, уронив свой престиж в глазах местного тузнаселения, цели не достигнем. Для охраны исчезающего бобра единственной мерой, достигающей своей цели, будет учреждение заповедника в районе его распространения с правильно организованной охраной и наблюдением».

Первое постановление о создании заповедника на Кондо-Сосвинском водоразделе вынес президиум Тобольского окрисполкома 15 июня 1928 года. Затем последовали постановления Уральского областного комитета по охране памятников природы (17 сентября 1928 года) и президиума Уральского облисполкома (25 февраля 1929 года). Организация Северо-Уральского государственного боброво-соболиного охотничьего заповедника (СУГОЗ) была утверждена коллегией Наркомзема РСФСР 26 апреля 1929 года. Последняя дата официально считается днем основания СУГОЗа – Северо-Уральского государственного боброво-соболиного охотничьего заповедника. Окончательные границы его были определены в 1931 году. Общая площадь составила 800 тыс. га.

Первым директором заповедника стал Василий Владимирович Васильев. В простой общей тетради в клеточку под названием «Книга приказов по заповеднику, начатая в марте 1929 года», сохранившейся в архиве, рукой В.В. Васильева начертан Приказ № 1 от 11 марта 1929 года: «Согласно распоряжения Уралоблзу, проведенного приказом от 20 февраля 1929 г. № 97, выезжаю в Березовский район Тобольского округа 12 марта с.г. для организации Северо-Уральского госохотзаповедника. Заведующий заповедником Васильев. г. Тобольск». Таким образом, очевидно, что при назначении В.В. Васильева директором нового заповедника местные власти руководствовались решениями 1928 года, а не решением коллегии Наркомзема РСФСР от 26 апреля 1929 года. Поэтому датой создания СУГОЗ следует считать 15 июня 1928 года, когда постановление о создании заповедника на Кондо-Сосвинском водоразделе вынес президиум Тобольского окрисполкома.

В заповедник вошли не только все «святые места», но, вопреки договоренности с местными охотниками, туда включили огромные территории бассейна Малой Сосьвы и верхней Конды, причем в окрестных местностях, отнесенных к охотсовхозу, разрешалась охота. Директор охотсовхоза носил фамилию Свистунов, охотоведом был тоболяк Филипович, а главным охоттехником значился (очевидно, по совместительству) В.В. Васильев, директор заповедника.

Специальный охотустроительный отряд из Москвы в 1931 году на местности определял и обозначал заповедную территорию, уточнял границы СУГОЗа. Споров возникало множество – ведь тогда существовала масса мелких поселений, о которых сейчас никто уже и не помнит. На Тапсуе и Малой Сосьве, помимо общеизвестных поселений Няксимволя, Ворьи, Игрима, Нерги, Шухтунгорта, Хангокурта, Ханлазина и других, располагалось еще чуть ли не с десятков иных «гортов» и «куртов»; на Конде еще до коллективизации возникла коммуна в Шаиме, а выше, на Арантуре, в Шоушме, Корыстье, Ессунте насчитывалось более 40 семей «кондинских вогулов» (манси) и полтора-два десятка русских (Черковы, Силины, Литовских и др.). В Умытье был создан колхоз под названием «Батрак». Там же с 1926 года жил ссыльный эстонец Александр Тамм, который работал потом в заповеднике.

Особо охраняемой территорией был признан огромный участок Западно-Сибирской низменности, лежащий по водоразделам верховий рек Малая Сосьва и Конда в пределах Остяко-Вогульского национального округа Омской области. Это была настоящая таежная глухомань! От ближайшей железнодорожной станции со стороны Урала заповедник находился на расстоянии 312 км. Вся связь с внешним миром в основном осуществлялась по реке Обь. Кроме того, зимой можно было еще добраться до обжитых мест на оленьих упряжках, летом – по пешим тропам.

В то время в Сибири только закончилась Гражданская война. Активно шли процессы раскулачивания и коллективизации. В начале и в середине 1930-х годов в ряде районов севера прокатились волнения и даже небольшие восстания против перегибов советской власти, которые были жестоко подавлены (так было, например, на Казыме в том же Березовском районе). Однако заповедника, во многом благодаря мудрой политике В.В. Васильева, эти проблемы практически не коснулись. Один из московских охотустроителей, В.А. Ласкин, в своем отчете отмечал, что у остяков «к заповеднику отношение положительное, они понимают, что это обеспечит им постоянный промысел, защитит от пришлых русских и зырян (коми), спасет их ем-тахе (святые места) и еманы (шайтанские клады)».

Первые годы с директором В.В. Васильевым границы заповедника протяженностью 650 км охраняли всего четыре егеря из числа северных народностей. С местным населением

Васильеву удалось установить доверительные отношения. Остяки и вогулы уважительно называли его «Васька–царь» и «Васька–главный судья», иногда «Васькой-шайтаном». «Васькиными» стали таежные ручьи и реки.

Сначала В.В. Васильев назначал своими приказами «на должности егерей-объездчиков» местных жителей – Езиных Ивана Гавриловича и Александра Евгеньевича, Маремьянина Михаила Алексеевича, Марсынова Сидора Романовича (первого своего гребца-проводника), В.П.Малистратова и некоторых других «с окладом 45 р. в месяц». Все они были охотниками и в первую же осень уволились на сезон осенне-зимнего промысла. В последующем егеря-наблюдатели заповедника, особенно коренных национальностей, жившие в основном по границам запретных мест, обычно совмещали официальную службу с охотой за пределами заповедника, и, хотя точно проследить за этим было невозможно, все-таки в целом соблюдали установленные запреты, особенно в отношении промысла соболей. Впрочем, и случаи браконьерства выявлялись тогда очень редко.

Вскоре В.В. Васильев стал собирать вокруг себя своих друзей-охотников с Демьянки (из Уватского района). Так начали работать в заповеднике А.Ф. Черезов, охотники И.П. и А.А. Переваловы, но труднее всего для директора заповедника оказалось переманить к себе опытного следопыта и отличного таежника Маркела Михайловича Овсянкина, игравшего потом большую роль в заповеднике и регулярно проводившего там учеты бобров.

Уже в первые годы сложилась сеть постоянных и временных кордонов по периметру заповедника – Хангакурт, Ханлазин, Еманкурт, Тугр, Него-Сапр-еган, Ессунт, Есс, Кондинский. Часть из них представляла собой старые юрты, в некоторых позднее строились специальные избы.

По весеннему маловодью 1929 года пароход с грузом для организации работы заповедника смог доплыть только до Шухтунгорта, в 55 км от северной границы заповедной зоны. Поэтому здесь на целых 10 лет заложили центральную усадьбу заповедника, несмотря на отдаленность от заповедной территории. Туда перевезли разобранный большой сруб, купленный в Шеркалах, амбар и мебель, приобретенную в Малом Атлыме. Дом этот был большой, на две половины: в одной жил В.В. Васильев со всей семьей, во второй была контора. Мария Александровна, жена директора, официально числилась метеонаблюдателем заповедника, а по совместительству и секретарем-машинисткой охотсовхоза.

«Остяки и вогулы – писал в 1930 году уральский охотовед С.А. Куклин, – охотно обращаются за медицинской помощью не к шаманам, а к жене зав. заповедником, которая в силу удаленности медицинских пунктов на сотни километров, вынуждена оказывать эту помощь даже в сложных случаях. И самому заведующему нередко приходится выходить за пределы своих официальных обязанностей, выполняя роль то судьи, то агронома, то культработника...». «Два «А» – агитация и аптека – вот главные помощники В.В. Васильева» – сообщал Виталий Бианки, который посетил эти края ранним летом 1930 года вместе с художником Валентином Курдовым.

Сюда, в таежную глушь, приехали из Москвы и Ленинграда на работу молодые талантливые ученые-энтузиасты: З.И. Георгиевская, супруги Скалон, К.В. Гарновский и Е.В. Дорогостайская, В.В. Раевский и др. Имена многих из этих ученых вошли в элиту российской науки.

Человек практический и хозяйственный, В.В. Васильев по своей сути был далек от идей подлинной заповедности. В духе времени он видел главной задачей заповедника не столько охрану природы, сколько необходимость увеличения запасов пушных зверей.

В 1931 году был проведен пробный учет бобров на притоках Малой Сосьвы, а через 5 лет в Шухтунгорте открылся бобровый питомник. С этого времени начались наблюдения за поведением бобра и изучение его биологии. Через несколько лет бобров с Конды и Сосьвы начали расселять по разным уголкам Сибири. Всего за 1932-1937 годы на Малой Сосьве отловили более 50 бобров.

Особое значение придавалось завозу и выпуску ондатры и американской норки. Норку на Конде выпускали в 1935 году. До 1932 года в Кондо-Сосьвинском Приобье никогда раньше не водилась ондатра. За тысячи километров В. Васильев привез 49 зверьков, которые были выпущены в Малую Сосьву, хорошо там прижились и со временем расселились по всему Зауралью. Ондатровый промысел помог значительно улучшить экономическое положение коренных народов Севера. В.В. Васильев в отчете «Результаты акклиматизации ондатры на реке М. Сосьве в пределах Кондо-Сосьвинского государственного заповедника» писал: «Уже в 1936 году доход от промысла ондатры превысил доходы местного населения от охоты на белку. Исчезло то отчаяние среди местных аборигенов ханты, которое сквозило на каждом шагу в «неурожайные» на белку годы».

Уже в 1933 году в заповеднике отловили обметами 15 соболей, перевезли их для выпуска на реке Жерниковой, притоке Демьянки (правый приток Иртыша в Уватском районе). Там же он наметил выпустить бобров, что и было осуществлено в 1935 году. К концу 30-х гг. положительный результат дал полный запрет соболиной охоты: в 1941 году в заповеднике обитало около 3000 соболей. Местная популяция соболя была спасена.

В ноябре 1934 года постановлением Президиума ВЦИК заповедник был признан имеющим государственное значение и стал называться Кондо-Сосьвинским. Успешные результаты полного запрета на пушной промысел соболя, создание бобрового питомника и расселение из него бобров по Сибири, успешная акклиматизация ондатры, восстановление численности других животных вывели Кондо-Сосьвинский заповедник по результатам восстановления охотничье-промысловой фауны на первое место в Советском Союзе. Однако он не вошел в сеть из 12-ти полных заповедников общегосударственного значения, находящихся в непосредственном ведении Комитета по заповедникам при Президиуме ВЦИК и состоящих на государственном бюджете РСФСР, согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 10.02.1935 г. В 1938 году по решению СНК РСФСР он был включен в систему государственных заповедников, объединяемых Главным управлением по заповедникам, зоопаркам и зоосадам при СНК (с 1945 года – Совете Министров) РСФСР.

В 1940 году, уже при новом директоре Я.Ф. Самарине (В.В. Васильев был уволен в 1938 году и умер в 1941 году в [Печоро-Ильчском заповеднике](#)), центральная усадьба заповедника была перенесена из Шухтунгорта в национальный поселок Хангокурт (Хангокуртские юрты), где для этой цели был построен благоустроенный поселок со зданиями конторы, лаборатории, музея, школы, библиотеки и пр. Однако до самой ликвидации заповедника в 1951 году условия жизни в таежном поселке были тяжелыми.

Осенью 1940 года, после окончания Ленинградского университета по кафедре геоботаники, в Кондо-Сосьвинский заповедник были направлены двое молодых супругов-ботаников – Евгения Витальевна Дорогостайская и Кронид Всеволодович Гарновский. К.В. Гарновский родился в 1905 году в деревне Деревя Новгородской области, с детства проявил любовь к природе, книгам и поэзии. Позже, во время университетской учебы, живо интересовался литературой, ходил на собрания писателей, и сам писал стихи. На лекциях профессора А.Н. Криштофовича познакомился с Женей Дорогостайской, дочерью

известного профессора Иркутского университета В.Ч. Дорогостайского, основателя первой Лимнологической станции на Байкале, арестованного и расстрелянного в 1938 году.

В 1943-1944 годах жизнь в заповеднике совсем замерла, заметно оживившись лишь в победном 1945 году. Основными заботами тогда были сборы средств – удержания из зарплаты в фонд обороны, самообложение, госзаймы и пр. «Вся наша летняя зарплата ушла на погашение займа (2 тыс. руб.), а теперь выплачиваем на создание эскадрильи «Заповедники СССР» – писала ботаник заповедника Е.В. Дорогостайская. – Отчеты за тот год, сохранившиеся в архивах, написаны исключительно на обоях. В общем, выживали тогда, кто как мог, испытывали постоянные трудности из-за отсутствия связи с районом...».

Несмотря на это, научные исследования не прерывались ни на один день даже в тяжелые годы Великой Отечественной войны. Их вели научные сотрудники, не мобилизованные на фронт, в том числе, – В.В. Раевский и К.В. Гарновский.

Зоолог Вадим Вадимович Раевский проводил полевые исследования до 1943 года, пока ему позволяло здоровье (он болел туберкулезом). Потом он прервал их, переключившись на обработку всех своих материалов, начал писать не только отчеты и статьи, но и будущую книгу о жизни соболя. Весной 1945 года он повез рукопись этой книги в Москву (встретил день Победы на Красной площади), где его очень приветливо встретили все ведущие зоологи столицы. Глава советской экологической школы А.Н. Формозов, ставший редактором будущей книги, в официальном отзыве позднее писал, что работа В.В. Раевского достойна присвоения ее автору ученой степени доктора биологических наук (это мнение поддержал и С.И. Огнев).

В эти тяжелые для всей страны годы заповедник начал терять свои самые ценные кадры. Демобилизовавшийся после военной службы В.В. Решеткин оставил Хангокурт, какое-то время работал в главке, потом был директором ряда заповедников – Клязьминского, Астраханского, Воронежского, Мордовского, в конце жизни оказался в Брянске. Его жена, Н.К. Шидловская, временно исполнявшая обязанности зам. директора по науке, уволилась только в апреле 1946 года и уехала с детьми к мужу. В октябре 1945 года были переведены в Ильменский заповедник К.В. Гарновский и Е.В. Дорогостайская. Перед отъездом Е.В. Дорогостайская сдала итоговый отчет на тему «Систематический список цветковых и сосудистых споровых растений Кондо-Сосвинского заповедника». К.В. Гарновский также успешно отчитался за проведенную им работу, оставив рукопись «Растительность Кондо-Сосвинского заповедника» в двух томах, опубликованную потом лишь частично.

В 1946 году Я.Ф. Самарина на должности директора заповедника сменил Б.М. Зубков. А еще раньше, в декабре 1945 г., должность заместителя директора по науке занял П.Д. Агеенко, один из ветеранов охотничьего хозяйства Ханты-Мансийского округа.

В 1946 году обострилась болезнь В.В. Раевского. По сути, он медленно умирал от развивающегося туберкулезного процесса. К сожалению, новый директор Б.М. Зубков и его заместитель по научной работе П.Д. Агеенко бездушно отнеслись к больному зоологу. В.В. Раевский с 1 марта 1947 года был отчислен из штата по инвалидности, ему перестали помогать материально и даже забрали из дома всю казенную мебель. Между тем, большой итоговый отчет В.В. Раевского по теме «Инвентаризация позвоночных животных Кондо-Сосвинского заповедника» был сдан в Главное управление по заповедникам в плановые сроки. Он был направлен из главка на рецензию к профессору В.Г. Гептнеру, известному своей строгостью, который дал положительный отзыв и рекомендовал отчет к немедленной публикации. В том же 1947 году Вадим Вадимович Раевский умер.

Ликвидация Кондо-Сосвинского заповедника и создание заповедника «Малая Сосьва»

Накануне 1 мая 1951 года жители Хангокурта послали И. Сталину обращение с «пламенным сердечным приветом». Как бы в насмешку, через четыре месяца увидели свет Постановление Совета Министров СССР от 29 августа 1951 г. № 3192 и Постановление Совета Министров РСФСР от 10.09.1951 N 1085 о «реорганизации» системы заповедников, в том числе об упразднении Кондо-Сосвинского заповедника.

Один из ветеранов заповедника Кирилл Дунаев вспоминал: «В сентябре 1951 года пришла телеграмма о ликвидации заповедника. Это была полная неожиданность. такого поворота событий не ожидал никто. После закрытия заповедника все егеря, лесники перешли охотниками в созданный охотпромхоз. В тот год соболя развелось как никогда. Охотпромхоз получил тогда очень много денег».

Угодья ликвидированного заповедника, полные зверья и птицы, быстро «освоили» промышленники. Встревоженный масштабами уничтожения таежных обитателей, коллектив упраздненного заповедника во главе с его директором Г. Кузиным 13 декабря 1951 года принял решение бороться с браконьерами, ограничить свободный доступ охотников на бывшую заповедную территорию и создать в его границах заказник. Однако безработица и тяжелые условия жизни привели к тому, что постепенно поселок Хангокурт с населением в 300 человек постепенно опустел. Дольше всех, до зимы 2002 года, прожил на бывшей центральной усадьбе Кондо-Сосвинского заповедника местный житель манси Кирилл Дунаев, бабушка которого возила на оленьей упряжке еще В.В. Васильева.

Уже в конце 50-х – начале 60-х гг. появились многочисленные призывы ученых о его восстановлении. В 1960 году с публикацией в пользу восстановления заповедного режима выступил ученый-охотовед Н. Чесноков. В начале 60-х гг. зоологи Г. Пономарев из Иркутска, Л. Лавров из Воронежа и Ф. Шапошников из Тюмени обследовали территорию бывшего Кондо-Сосвинского заповедника. В их отчетах и публикациях тревожно звучали призывы о срочной необходимости возрождения заповедника. Комиссия АН СССР и Главохота РСФСР в 1955-1959 годах вели по этому поводу длительную переписку с тюменскими организациями. В 1968 году здесь был учрежден новый административный район – Советский. Руководство и общественность района осенью 1969 года обратились с просьбой провести изыскания в целях частичного восстановления Кондо-Сосвинского заповедника. Однако начавшееся освоение ресурсов Тюменского Севера, в частности, строительство железной дороги Ивдель-Обь, и закладка ряда мощных леспромхозов, в том числе системы ГУЛАГа непосредственно по бывшей территории заповедника, помешали осуществлению этих планов. Руководство объединения «Тюменьлеспром» в конце 60-х годов прошлого века приводило следующие аргументы: «Организация заповедника – памятника природы на территории Кондо-Сосвинского водораздела потребует полного прекращения любого хозяйственного воздействия на природу на площади около 10 млн. га. Условий для создания заповедника на территории Советского района не имеется».

Энтузиастом второго рождения заповедника стал Ф. Штильмарк, охотовед и писатель, доктор биологических наук. Он побывал в Хангокурте, центральной усадьбе бывшего заповедника, собрал ходатайства и докладные записки от научной общественности Свердловска и Тюмени, опубликовал статьи в газете «Советская Россия» и журнале «Охота и охотничье хозяйство», подал материалы в Главохоту РСФСР.

Изыскания по организации нового заповедника были выполнены в 1970 году Центральной проектно-изыскательской экспедицией и ЦНИЛ Главохоты РСФСР (начальник

Б. Иващенко, научный руководитель Ф. Штильмарк, инженер-охотовед А. Панов, биолог Н. Носкова и др.), в результате чего удалось согласовать проект создания заповедника в бассейне Малой Сосьвы (первоначально намеченная площадь около 300 тыс. га) и республиканского заказника для охраны бобров на реке Конде (250 тыс. га). Распоряжением Совмина РСФСР этот заказник был учрежден в 1971 году, но проект заповедника был заблокирован мощным барьером ведомственных интересов Министерства лесной промышленности СССР.

Но научная общественность Москвы, Урала и Сибири продолжала выступать с новыми доводами в пользу создания заповедника в Западной Сибири, и Совет Министров РСФСР направил материалы на новое обсуждение.

К работе по организации заповедника активно подключился заместитель начальника управления охотничье-промыслового хозяйства при Тюменском облисполкоме В. Азаров. Он предложил новый проект создания заповедника площадью 180 тыс. га, который, как и все предыдущие, вызвал категорические возражения со стороны Министерства лесной промышленности СССР.

О необходимости восстановления заповедника писали академики С. Шварц, А. Жуков, В. Сочава, профессора В. Гептнер, Г. Новиков, А. Воронов, А. Формозов и многие другие. Статьи о «Малой Сосьве» печатались в газетах «Советская Россия», «Комсомольская правда», журнале «Охота и охотничье хозяйство». Решающую роль сыграло письмо депутата поселкового совета и рабкора из поселка Пионерский М. Яковлева в журнал «Советы депутатов трудящихся», в котором была опубликована острая статья, снабженная наглядными рисунками, где бобры преграждают путь людям с топорами. Журнал задавал резонный вопрос: «Почему было принято столько звучных решений, а заповедника до сих пор нет?».

В 1974 году Б. Иващенко и Ф. Штильмарк вновь приехали в поселок Советский, чтобы получить новое заключение районных инстанций. Появились новые обоснования и доводы – бобры на Малой Сосьве уже под реальной угрозой истребления. В Правительство РСФСР обратились с ходатайством академик С. Шварц и бывший заместитель директора по научной части Кондо-Сосьвинского заповедника профессор В. Скалон, серию публикаций на эту тему поместил Ф. Штильмарк.

17 февраля 1976 года в Совмине РСФСР было подписано постановление об организации заповедника «Малая Сосьва», но лишь на площади 92,9 тыс. га вместо ранее намеченных вариантов в 296 и 180 тыс. га. Сюда вошли преимущественно водоохранные леса в долине Малой Сосьвы, окрестные болотные пространства и лишь несколько других лесных участков, относительно малоценных для лесопромышленного освоения. Основные места обитания аборигенных бобров в границы заповедника включить не удалось.

Кандидатуру на должность директора заповедника подбирали тщательно. Для этого специально из Москвы в Советский район приехал один из создателей заповедника «Малая Сосьва» Ф.Р. Штильмарк. В поселке он познакомился с человеком, влюбленным в природу, опытным охотником-промысловиком Леонидом Сташкевичем. Ему и суждено было стать первым директором нового заповедника. Для Леонида Сташкевича это было только начало заповедной биографии. Через пять лет он уже руководил заповедником «Остров Врангеля», потом стал инициатором создания и директором природного парка «Кондинские озера».

Сотрудники вновь созданного заповедника вскоре убедились в том, что его территория недостаточно репрезентативна для коренных ландшафтов данной местности и не может служить фаунистическим резерватом в условиях стремительно нарастающего

хозяйственного освоения на прилежащих участках. По инициативе сотрудников заповедника Советский райисполком и Тюменский облисполком в 1983 году внесли предложение в Главохоту РСФСР о расширении заповедника «Малая Сосьва». Проектные работы по расширению заповедной территории были включены в генеральную схему рационального размещения на территории РСФСР госзаповедников, заказников, лесохозяйственных, охотничьих и промысловых хозяйств на период до 1990 года. По указанию Главохоты РСФСР заповедник в 1986 году самостоятельно приступил к проектно-исследовательским работам (руководитель – А.М. Васин) и составлению землеустроительного дела.

До 1991 года работа по проектированию и отводу земель под расширение заповедника сопровождалась серьезным противостоянием лесопромышленных предприятий и их ведомств, традиционно являющихся безраздельными хозяевами закрепленных за ними лесосырьевых баз. Большие трудности были в связи из-за включения в новую территорию участков соседнего Березовского района. После преобразования большинства леспромпхозов в акционерные общества и в связи с принятым законом о местном самоуправлении, такие разногласия удалось преодолеть.

10 августа 1993 года распоряжением Правительства Российской Федерации территория заповедника «Малая Сосьва» была увеличена на 132,6 тыс. га, достигнув нынешних размеров 225,6 тыс. га. Расширение произошло главным образом за счет бассейна реки Соды (Сотэ-Еган) – крупного правого притока Малой Сосьвы. В пределы Советского района входит 166,2 тыс. га, Березовского – 59,4 тыс. га. Заповедник имеет охранную зону, где официально запрещена охота (при сохранении других пользований). Режим заповедника и охранной зоны поддерживается отделом лесной охраны, состоящим из трех лесничеств – Хангокуртского, Ханлазинского и Шухтунгортского.

Нынешний заповедник «Малая Сосьва» занимает лишь небольшую часть северной территории бывшего Кондо-Сосвинского заповедника, однако его по праву можно назвать продолжателем прежних научно-опытных изысканий в данном регионе. Большую часть южной половины прежнего заповедника занимает [федеральный заказник](#) «Верхне-Кондинский» площадью 241,6 тыс. га, который с 1977 года административно подчинен действующему заповеднику и является его структурным подразделением. С 1988 года в ведении заповедника находится также памятник природы регионального значения «Озеро Ранге-Тур» площадью 2238,5 га. Это озеро считается у хантов священным местом.

Западносибирский речной бобр обитает сейчас только на территории заповедника и входящего в его структуру заказника «Верхне-Кондинский». «В свое время пришлось серьезно побороться с кировскими охотоведами. У них были «наполеоновские» планы – заселить северные речки бобрами воронежского происхождения, – рассказывал заместитель директора заповедника «Малая Сосьва» по научной работе Александр Васин. – Мне пришлось не раз выступать на съездах ученых и отстаивать неприкосновенность генофонда западносибирского бобра». Благодаря стараниям сотрудников заповедника «Малая Сосьва», после резкого падения за годы отсутствия заповедника, его численность заметно выросла. Сегодня популяция бобров составляет около 400 особей, т.е. больше, чем во времена функционирования Кондо-Сосвинского заповедника.

Первый директор Кондо-Сосвинского заповедника

В.В. Васильев родился в [Казани](#) в 1889 году в семье [адвоката](#). Окончил [Комиссаровское техническое училище](#) в [Москве](#), сменил множество мест работы. По слухам, участвовал в [Гражданской войне](#) в войсках [Колчака](#) или [Унгерна](#). В [1922 году](#) работал наблюдателем метеорологической станции на реке Демьянке, затем – заведующим подотделом охоты Тобольского окружного земельного управления.

Василий Васильев, первый директор Кондо-Сосвинского заповедника. 30-е годы XX века.
Из статьи С.А. Куклина (псевдоним – С. Лесной) в журнале «Уральский охотник»

Он сумел привлечь к работе в заповеднике [хантыйских](#) охотников, знатоков тайги. Ханты уважали Васильева, называли его «Васька-Ойка» (то есть старейшина), затем «Васька-Ойка-Суд» (старший судья), иногда «Васька-царь» и даже «Васька-шайтан». [Виталий Бианки](#), приехавший в заповедник летом [1930 года](#), сравнивал Васильева с Кожаным Чулком, героем романов [Фенимора Купера](#), но не колонизатором, а ярим борцом за охрану природы («Наш Кожаный чулок – настоящий!»). Бианки, который всю жизнь вел подробный дневник, сделал очень много записей в своей поездке. Так, он описывал первого директора заповедника следующим, весьма романтическим, образом: «Голова повязана зеленым платком вместо шапки. Крупные решительные черты лица. У пояса охотничий нож. На ногах высокие с раструбами сапоги. Вот с кого писать корсара!» Требовательный к себе автор много раз переделывал свой очерк, прежде чем он был опубликован под заголовком «Васька-Ойка-Суд – Кожаный чулок» сперва в газете «Литература и жизнь» (1958 г.), а после смерти писателя, в журнале «Наука и жизнь».

Ботаник заповедника К.В. Гарновский так описывал В.В. Васильева в 1940 году: «Васильеву около пятидесяти. Высокая прямая фигура, чисто выбритое, худое лицо. Пристальный испытующий взгляд. Речь неторопливая и точная, сдержанные жесты. За этим чувствуется способность к молниеносной реакции... Несомненно – сильная, волевая натура».

В [1938 году](#) Васильева сняли с должности директора, но он продолжал работать в заповеднике. Когда зимой 1939/1940 гг. началась война с Финляндией, В.В. Васильев получил повестку в военкомат, причем ему предлагалось явиться туда, как вспоминала позднее его жена Марья Александровна, «с ружьем и лыжами». Однако пока шла повестка, пока Васильев явился, эта война уже кончилась и «Ваську-Ойку» со всем снаряжением отпустили домой.

После непрекращающихся конфликтов с В.Н. Скалоном и находившимся под его влиянием новым директором Я.Ф. Самариным В.В. Васильева перевели в [Печоро-Ильчский заповедник](#). Приехав туда в [1941 году](#), Василий Владимирович скоропостижно скончался от сердечного приступа.

В.В. Васильев не имел специального биологического образования, но проявил себя как активный исследователь фауны Зауралья. Ф.Р. Штильмарк в своей книге о Кондо-Сосвинском заповеднике приводит список печатных и рукописных работ В.В. Васильева:

- Васильев В.В. Бобры на Тобольском севере. // Охотник, № 8, 1927.
- Васильев В.В. К заметке профессора Г. А. Кожевникова «Новое местонахождение бобров». // Охрана природы, № 4, 1928, с. 23-25.
- Васильев В.В. Проект организации Северо-Уральского государственного заповедника (рук. 1929). Местонахождение не известно.
- Васильев В. В. Охотничий промысел на Тобольском Севере, его устройство и перспективы. // Уральский охотник, № 12, 1928, с. 12-16.
- Васильев В.В. Река Демьянка. Экономико-этнографический очерк. Тобольск, 1929, 36 с.
- Васильев В.В. Ондатра (Результаты акклиматизации в Кондо-Сосвинском заповеднике). М., 1947, 91 с.
- Васильев В.В. Соболь и его промысел (рук. 1930). Местонахождение неизвестно.
- Васильев В.В. Кондо-Сосвинский заповедник и охотсовхоз (рук. 1929). Местонахождение неизвестно.
- Васильев В.В. Отчетная докладная записка в Тобольскую окружную плановую комиссию по обследованию водоразделов рек Конды, Большой и Малой Сосв, произведенного в 1926/27 гг. (рук.). Архив гос. заповедника «Малая Сосьва» (г. Советский).
- Васильев В. В., Раевский В. В., Георгиевская З. И. Речные бобры и соболи в Кондо-Сосвинском государственном заповеднике. // Труды Кондо-Сосвинского гос. заповедника, вып. 1, М., 1941, 98 с.

**Фотографии из работы Ф.Р. Штильмарка «На службе природе и науке.
Документальная повесть о Кондо-Сосвинском боброво-соболином заповеднике
и о людях, которые там работали».**

Бобровая плотина на реке Таты-Панден-Яган
(правый приток Малой Сосьвы, конец 30-х гг.)

Единственное фото Михаила Алексеевича Маремьянина,
одного из главного рода хантов Малой Сосьвы
(ни дата, ни автор этого фото неизвестен)

Единственный архивный снимок, где
запечатлён Михаил Маркелович Овсянкин
(конец 30-х гг.)

В центре, сзади всех В.В.Васильев; ниже, в светлой рубашке, – Виталий Бианки, правее, выше всех, – художник В.Курдов (фото из семейного архива В.Бианки)

К.В. Гарновский и Е.В. Дорогостайская – ботаники Кондо-Сосвинского заповедника, в первый год своей работы в Хангокурте (1940 г.)

У могилы Вадима Вадимовича Раевского

Использованная литература:

Бианки В.В. Конец земли. Путевые впечатления 1930 г. // Собрание сочинений в 4-х томах, Л., т. 4, 1976, С. 5-98. Васька-ойка – Кожаный Чулок. Там же, С. 147-162.

Васин, А. М. Заповедник «Малая Сосьва» / А. М. Васин, А. Л. Васина. – М.: Унисерв, 2000. – 152 с.

Васин А.М., Васина А.П., Гаврилов М.И., Лыхварь В.П., Рогачева Э.В., Сыроечковский Е.Е., Штильмарк Ф.Р. Заповедник «Малая Сосьва». // Заповедники России. Заповедники Сибири. I, - М., Логата, 1999. С. 28-47.

Гарновский, К. В. В Кондо-Сосьвинском заповеднике. 1940–1945 / К. В. Гарновский ; ред. В. К. Белобородов. – Шадринск: Исеть, 1993. – 118 с.

Горохов В.А. Кондо-Сосьвинский заповедник. // Заповедники СССР, т. 2, М., Географгиз, 1951, С. 103-124.

Заповедник Малая Сосьва / сост. А. М. Васин ; науч. ред. Ф. Р. Штильмарк. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1985. – 176 с.

Лавров Л.С. Кондо-Сосьвинский заповедник нужен. // Охота и охотн. хоз-во, № 2, 1967, С. 10-11.

Чесноков Н.И. Сохранить речных бобров Зауралья. // Природа, № 11, 1960, С. 59-60.

Штильмарк Ф.Р. Сохранить уникальную популяцию бобров. // Охота и охотн. хоз-во, № 5, 1970, С. 24-25.

Штильмарк Ф.Р. Заповедник «Малая Сосьва». // Охота и охотн. хоз-во. № 12, 1976, С. 20-21.

Штильмарк Ф.Р. На службе природе и науке. Документальная повесть о Кондо-Сосвинском боброво-соболином заповеднике и о людях, которые там работали. — М.: «ЛОГАТА», 2002. — 159 с.

<http://www.ugra-start.ru/ugra/fevral-2011/127>

<http://newssng.ru/131/110>

<http://oopt.info/index.php?oopt=465>